АДАПТАЦИЯ К ПРИРОДНОЙ СРЕДЕ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХОВЬЕВ ПЕЧОРЫ И КОЛВЫ В XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

Г. Н. Чагин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: g-chagin@yandex.ru

ADAPTATION TO THE ENVIRONMENT AND TRADITIONAL CULTURE OF THE UPPER PECHORA'S AND KOLVA'S RUSSIAN POPULATION IN THE 19TH CENTURY AND THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY

G. N. Chagin

Perm State National Research University, 15 Bukireva str., Perm, 614990, Russia
E-mail: g-chagin@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются результаты адаптивной стратегии русского населения верховьев рек Печоры и Колвы в условиях взаимоотношения его со средой обитания. Компоненты культуры, удовлетворяющие важные жизненные потребности, извлечены из самой деятельности людей и запечатлены в опубликованных, архивных и экспедиционных источниках. Наряду с общими положениями удастся показать своеобразие черт, присущих только населению исследуемого региона.

Ключевые слова: Печора, Колва, Чердынский уезд, Якша, история природопользования, материальная и духовная культура, обряды.

Для цитирования: Чагин, Г. Н. Адаптация к природной среде и традиционная культура русского населения верховьев Печоры и Колвы в XIX – первой четверти XX вв. / Г. Н. Чагин // Russian Journal of Ecosystem Ecology. – 2017. – Vol. 2 (2). – <https://doi.org/10.21685/2500-0578-2017-2-4>

Abstract. The article represents the results of adaptive strategy of the Upper Pechora's and Kolva's Russian Population in the context of adaptation to the environment. The author analyzes culture components of the people's everyday practices registered in publications, archives and expedition materials. The article considers some general features as well as features that are specific to the population of the region studied.

Key words: Pechora, Kolva, Cherdyn parish, Yaksha, history of nature management, material and spiritual cultures, rituals.

For citation: Chagin G.N. Adaptation to the environment and traditional culture of the upper Pechora's and Kolva's Russian population in the 19th century and the first quarter of the 20th century. Russian Journal of Ecosystem Ecology. 2017;2(2). (In Russ.). Available from: <https://doi.org/10.21685/2500-0578-2017-2-4>

Одна из глобальных задач современной науки – поиск и всестороннее изучение структурно-функциональной организации естественных (природных) лесов и сформировавших их факторов. Выявление исторических факторов формирования лесных экосистем – необходимая основа для оценки их сукцессионного статуса и прогноза дальнейшего развития. К сожалению, интенсификация лесопользования в XX в. и лесные пожары в значительной мере изменили сохранившиеся природные леса, которых к началу XXI в. осталось совсем немного. Один из таких массивов расположен в Северном Предуралье, в верховьях рек Печоры, Колвы и

Вишеры (рис. 1). Высокая сохранность этого лесного массива объясняется историческими причинами и географическими особенностями региона.

В статье показана адаптация традиционной культуры русского населения к особенностям природной среды, но не всей культуры, а лишь той ее части, в которой ярче всего выразился характер взаимоотношений человека и природы и тех средств, которые определяли взаимное пересечение. Исследуемая реальность прошлого опирается на сочетание двух крайних моделей, которые применяются при выяснении опыта взаимосвязи традиционного общества

с природной средой. С одной стороны – модель о природном детерминизме культуры, т.е. о прямом соответствии культуры среде, а с другой – признание деятельного начала за собственными потребностями людей обустроиться и жить в природной среде, т.е. за культурой жизнеобеспечения. Но в итоге мы все же смещаем акцент в сторону второй модели, заставляя считать, что природная среда в большей степени не воздействует, а создает условия для выработки культурных навыков и создания материаль-

ных объектов. В связи с этим мы обращали внимание на то, как природные циклы и поведение промысловых животных обуславливали сроки и способы земледелия, охоты, рыболовства, как климат и ландшафт определяли выбор места для проживания и выработку объемно пространственных композиций жилых и хозяйственных построек. Безусловно, мы познавали процесс приспособления среды обитания к жизненно важным потребностям, что и составляло примеры адаптационной стратегии в практике.

Рис. 1. Верховья Печоры, Колвы и Вишеры в конце XIX – начале XX вв.

Fig. 1. Upper Pechora, Kolva and Vishera in the late XIXth – early XXth century

Источниковедческую основу исследования составили письменные, этнографические и фольклорные данные. Привлечены опубликованные записки исследователей и путеше-

ственников. Наибольший интерес вызвала информация тех авторов, которые акцентировали внимание на природной среде обитания и природопользовании населения. Использованы эт-

нографические материалы, собранные автором в экспедициях 1965–2015 гг. во всех населенных пунктах верхней Печоры и верхней Колвы. Они содержат сведения, полученные информаторами от родителей, воспоминания очевидцев традиционного уклада жизни, а также наблюдения за теми явлениями, которые еще сохранялись в моделях жизнеобеспечения в позднее время. В ходе полевой работы проводилась реконструкция мировоззренческих взглядов местного населения на природные условия и ресурсы, обусловленность культурных традиций средой обитания, зависимость подвижности людей от лесных ресурсов и поведения промысловых животных, а также обратный процесс – влияние традиционного общества на среду обитания. При этом всегда ставилась задача получения комментариев местных жителей с примерами.

Русское население верховьев Печоры и Колвы следует считать не локальной группой народа, а органической частью севернорусской этнографической зоны. Этот вывод сделан на основе сходства материальных элементов культурно-бытовой традиции – жилища, двора, строительных приемов, одежды, орудий труда, ткачества, а также других явлений культуры и быта, даже и узорного вязания чулок и рукавиц, которое активно бытовало еще в 1980-е гг. Вместе с народной культурой здесь прочно бытовала севернорусская терминология ее элементов. В верности вывода убеждают бытовавшие здесь явления духовной культуры – обряды, праздники, фольклор, говоры, знания, суеверия. К сожалению, календарную и общественную культуру, говоры основательно никто не изучал – ни пермские, ни печорские исследователи. Исследователей интересовала старообрядческая культура и книжность, последняя даже больше первой. С этой целью и организовывались научные экспедиции. Севернорусские народные традиции угасали в конце XIX в. в центральной части Чердынского уезда, откуда пришли русские в верховья Колвы и Печоры, а в северных местах – верхнеколвинских и верхнепечорских – с замедленным социально-экономическим развитием и погруженным в старообрядческую веру они сохраняли еще первозданную основу в XX в.

Важным вопросом остается время заселения исследуемой территории людьми. В отличие от Русской равнины, которая была заселена и освоена на много веков раньше, интенсивное освоение русскими крестьянами Северного Предуралья началось в XVIII в., причем сначала верхней Колвы, а затем и верхней Печоры [1, с. 6], а первоначальное проникновение рус-

ских началось не позднее конца XVI в. Об осведомленности колвинских (чердынских) крестьян об этих территориях свидетельствуют письменные сообщения – писцовые книги 1579, 1623 гг. и т.н. «расспросные речи» 1667 г., а также грамота царя Федора Алексеевича 1681 г. «о переоброцке Печорского волока, который соединял реки Вогулку и Волосницу и о Немском (Вычегодском) волоке, соединявшем реки Молог, приток Березовки, и Нем, приток Вычегды» [2, с. 3–7, 227–241].

На рассматриваемую территорию русские пришли со сложившимися хозяйственными и культурными традициями, которые были успешно отработаны в центральной части Чердынского уезда, освоенной еще в XV в. после вхождения Перми Великой в 1472 г. в Московскую Русь. Казалось бы, что места выхода и вновь осваиваемые места имели сходные природные условия. Но в то же время было много различий в природной среде, обязывающих в местах нового проживания корректировать навыки, обосновывать поселения и возводить постройки, заниматься хозяйством, исходя из особенностей природных ресурсов, вести повседневную жизнь с теми приоритетами, которые обеспечивали устойчивую жизнедеятельность в более суровых природных условиях. Отличий было много: одно из значимых состояло в том, что осваивать новую территорию приходилось в условиях отсутствия сухопутных дорог. Сообщение шло по рекам, которые были порожистыми, по лесным тропам и еще с преодолением водораздела между Колвой, Уньей и самой Печорой.

Соотнося хозяйственные приоритеты с особенностями природной среды, устанавливаем: у крестьян верховьев Печоры и Колвы преобладало промысловое охотничье-рыболовецкое направление с сочетанием земледелия и скотоводства. Так, по данным земской статистики 1884–1885 гг., в Тулпанской волости насчитывалось 223 хозяйства, из которых 152, а это 68 % от общего числа, занимались охотой [4, с. 996–1037]. Крестьяне промысловой зоны занимались еще извозом, по-местному «ямщиной». Они на своих лошадях перевозили купеческие товары через Печорский волок.

Земледелие было развито крайне слабо. Значительным был лесной перелог, когда земля после неоднократного ее использования забрасывалась на отдых. Новые участки разрабатывались подсечно-огневым способом [5, с. 158]. Эти системы земледелия обуславливались наличием малоплодородных почв и тем, что наравне с наделением земель по тяглу из общинного фонда за крестьянами долго сохраня-

лось право свободного захвата пустующих земель и их личного распоряжения [6, с. 378]. Известно, что даже в колхозный период крестьяне имели возможность выбирать участки для выращивания не зерновых культур, что запрещалось, а репы, которая продолжала занимать важное место в питании населения. Репу сеяли на невспаханной почве. Подбирали места, где росли маленькие елочки. Елки вырубали и сеяли репу: рассыпали семена и боронили елочкой.

Как известно, переход к новой форме землепользования – к уравнильным переделам с ограничением захватного права – внедрялся на верхней Печоре и Колве медленно, поскольку межевание земель развернулось здесь

лишь в середине XIX в. Но эти условия порождали новую систему землепользования – трехполье, когда пашня делилась на три поля, которые засевались поочередно: на одном выращивалось озимое (в основном рожь), на втором яровое, а третье поле оставалось под паром, т. е. отдыхало, чтобы восстанавливалась культура почвы. Позднее введение уравнильных переделов задерживало переход к трехполью, а многополье как система севооборота, состоящая в целенаправленном многократном чередовании различных культур на одном участке земли, на всей верхней Печоре и верхней Колве не получила большого развития (рис. 2).

Рис. 2. Пашня у деревни Нюзим на реке Колве. Фото 2015 г.

Fig. 2. Tillable land near the village Nyuzim on the Kolva River. Photo in 2015

Подзолистые, с низким плодородием почвы крестьяне длительное время вспахивали сохой архаичного вида, у которой на раздвоенной рассохе (лапе) надевались два сошника (ральника). От такой конструкции сохи назывались двуральничными. Вспашка земли такой сохой была трудоемкой, поэтому крестьяне часто говорили: «... а пашем мы на лошадишках своими сохами, а сошники куем... и те сошники точим на каждый день, потому что земли твердые» [7, л. 14 об.]. На полях выращивали в основном рожь озимую и ячмень, реже овес. Путешественник, побывавший на верхней Колве в 1901 г., писал: «Здесь существует чрезвычайно оригинальный способ уборки хлеба: недозревший

хлеб косят, а затем скошенный хлеб пучками вешают на вилы – на ветки елок, очищенных в форме рогов, и выставляют на солнце – дозревать» [8, с. 693].

Сено заготавливали исключительно по берегам рек (рис. 3). На Колве траву косили на мысах, а на Печоре, как отмечал очевидец хозяйственной деятельности крестьян, из-за малочисленности мысов приходилось «косить по откосу берега реки, иные сажени три ширины и до десяти длины, причем сено необыкновенно грубое и черное и его свозят иногда верст за 30 по реке на плотках, собирая по берегу от 5 до 15 пудов. По всей Печоре берега крутые, а выше сосновый бор и покосов расчистить негде» [9, с. 146].

Рис. 3. Сенокос в пойме реки Печора. Фото 2013 г.

Fig. 3. Haymaking in the floodplain of the Pechora River. Photo in 2013

На ровных покосах – в поймах и на суходолах – крестьяне раньше внедряли косы-литовки, а в лесных местах, между кустарниками и пнями, сподручнее было косить старой косой-горбушей. Старожилы женщины вспоминали, что горбушей косили еще в колхозный период. На севере, где часто шли дожди, скошенную траву, не всегда успевшую как следует высохнуть, складывали в длинные «зароды» с несколькими «промежками», в которых она проветривалась и досыхала [7, л. 18 об.]. Для высыхания травы в зародах стремились вертикально поставленные шесты «стожары» и подпоры подбирать из осины. Также в каждый «промежек» укладывали осиновые ветви, концы которых выставлялись наружу, чтобы влага быстрее выходила из влажного сена. Поступали так из-за того, что признавали осину лучше других пород деревьев притягивающей в себя влагу.

Способы охоты соответствовали особенностям сезонов года. Зимой охотники отправлялись за добычей только туда, где снег был менее глубокий. Поэтому там собирались зимовать стада лосей, оленей. Исходя из этих соображений, печорские и колвинские охотники отправлялись иногда и за Уральский хребет, за 200 верст от дома [10, с. 39].

Очевидец охоты в начале XX в. отмечал: «...Кержак до сего времени остается смелым и подвижным и выносливым охотником. В 40 градусов мороза кержак в парме на охоте преспокойно ночует под открытым небом, разложив так называемую нодью... и охотник,

вырыв яму в снегу, разведя нодью, обставившись и подослав еловых веток, спит здесь долгую зимнюю ночь, с тем, чтобы с рассветом идти на охоту. Есть охотники, которые прохаживают на лыжах по 100 верст в день...».

«...О смелости охотника кержаков можно судить по тому, что они не робеют идти на медведя с плохим пистонным дробовиком...».

«...Одеваясь на охоту, кержак не любит одеваться тепло. Вот его одежда: какая-нибудь шапчонка, короткий пониток, род короткой до колен поддевки из овечьей шерсти, поверх которого одевается лузан... На ногах обутики, т.е. из самодельной кожи сапоги, которые шьются особым способом, именно, уже сшитые они выворачиваются. Эти сапоги непромокаемы, как пропитанные смолой...».

«...Охотники попадают в такие дебри, где не то что дорог, но и тропинок нет, и нужно специальное чутье местного жителя, чтобы не сбиться с пути в девственных урочищах...» [8, с. 694].

В 1894 г. верховья Колвы и Печоры обошел известный путешественник А. В. Елисеев. В своем очерке «По белу свету» записал:

«...Забравшись в далекий северный уголок... русский насельник Чердыни и верхней Печоры сидит там крепко, ни в чем не нуждаясь и не стремясь к дальнейшему выселению. Всего у него довольно, только хлебушка Бог не уродил, но зато в крае есть много чего другого, на что всегда можно купить и хлеба, и всякого другого добра. Правда, сеет печорин и хлеб, очищая гари и пармы, пуская пал через вековые леса, но

делает это... больше по привычке, чем по настоящей нужде. Все-таки своего хлеба ему не хватает, и мороз очень часто сразу уничтожает результаты долгих трудов. Зато чердынцу и печорину помогают зашибать деньги его леса, воды и горные кряжи... Немалым подспорьем служит рыболовство.

Знание леса в самом широком значении этого слова просто поразительно для простого крестьянина... Он знает пользу и вред каждой травинки, каждого живого существа. Лесной бродяга – это целая энциклопедия лесных знаний, которых часто не делает никакая книга. Никогда в самом глухом лесу не потеряется опытный полесовщик, потому что он знает всякие приметы, сумеет найти и север, и полдень – не только по солнцу и звездам, но и разным приметам растительного царства, ведомым лишь ему одному. Не заблудится, не замерзнет, не пропадет он и с голоду в самом глухом лесу; даже без ружья он всегда ухитрится прокормиться в тайге, тем или другим способом добывая съедобную пернатую или четвероногую дичину... Про некоторых таежников мне говорили, что они по целым месяцам

могли жить и пропадать в лесах, добывая себе там и пищу, и одежду, и кров. Этот настоящий возврат к первобытной стадии человеческой культуры, когда каждый умеет добыть себе все необходимое из окружающей природы и остаться совершенно независимым от других людей... Я не скоро бы кончил, если бы стал описывать все стороны симпатичного типа лесного бродяги нашего севера, но не могу не отметить того, что тип этот, к сожалению, вымирающий: цельность его пропадает от постоянных сношений полудикого труженика с «цивилизованным» торгошником и скупщиком, проникающим теперь за пушиным товаром в глубину самых диких лесов...» [11, с. 134–136].

Северные поселения размещались исключительно по одному берегу реки (рис. 4). Объяснялось это тем, что реки были порожистые, трудны для переезда в осеннюю и зимнюю распутицу. К тому же на севере, как правило, один берег ровный, а противоположный гористый или заболоченный. Освоение водоразделов, как это было в южных районах по р. Колве, совершенно не наблюдалось.

Рис. 4. Деревня Верхняя Березовая у реки Березовая. Фото 2015 г.

Fig. 4. The village of Verkhnyaya Berezovaya near the Berezovaya River. Photo in 2015

В конце XIX в. жители деревень по р. Колве рассуждали: «Надо выселяться подальше к Печоре, искать там хлеба, да не того, который сам сеешь и который не дозревает... надо деньги зарабатывать. И вот от Тулпана до Печоры на широких интервалах раскидалось до

70 деревень, выселков и починков, образующих Тулпанскую волость. Народ здесь смирный, кроткий, добродушный... большинство одет в холицовые рубахи с нагрудными крестами наружу, острижен в скобку; живут чисто и сытно, но никаких наклонностей не имеют и мечтают

только об одном лишь, как бы выселиться по-
дальше, поближе к рябчикам и к рыбе» [12, с. 45].

На исследуемой территории в 1897 г., а это
целиком Тулпанская волость Чердынского

уезда, проживало в 27 населенных пунктах
1680 чел., из них в 14 поселениях по верхней
Печоре и по р. Унья 800 чел. (рис. 5) [13,
с. 61–64].

Рис. 5. Распространение и типы населенных пунктов на рассматриваемой территории

Fig. 5. Distribution and types of settlements in the territory considered

При выборе места для поселения предпочте-
ние отдавалось высоким берегам и их южным
склонам (рис. 6). Здесь сохранялась защищен-
ность усадеб от северных ветров, раньше схо-

дил снег, быстро высыхала почва, дольше дер-
жалось тепло. На высоких южных склонах ис-
ключались ранние заморозки, губительные для
выращивания зерновых и огородных культур.

Рис. 6. Высокий берег с южным склоном – место бывшей деревни Камешок на реке Печоре. Фото 2012 г.

Fig. 6. High bank with the southern slope is the place of the former village of Kameshok on Pechora. Photo in 2012

Поселения выглядели компактными. Из-за более суровой снежной зимы и постоянных трудностей в освоении земли необходимо было иметь невдалеке пашни, покотины, луга, водоемы.

Преобладающему прибрежно-речному типу заселения соответствовали поселения рядовой планировки. В них усадьбы размещались рядами, но при этом в соответствии с очертаниями берега. В этих рядах сырые и каменистые участки, овраги пропускались. В верховьях рек ровных побережий было недостаточно, поэтому на небольшом участке усадьбы размещались не в один, а в два и три ряда и обращались окнами на реку и одновременно на солнечную сторону.

Уличная застройка появлялась поздно. Хотя она образовывалась официальным путем специальной земской комиссией, начиная с конца XIX в., но в исследуемом регионе стала редким явлением (села Корепино, Тулпан, деревни Русиново, Усть-Бердыш). В основном поселения имели смешанную планировку – рядовую и кучевую (беспорядочную).

Классической рядовой застройкой обладали только две деревни по р. Колве – Тиминская и Орловка в три ряда. Их застал в 1960–1970-е гг. в полном виде. Деревни имели живописный вид, как, впрочем, и все колвинские и печорские деревни. Причем д. Орловка отличалась еще тем, что в расположении 11 усадеб ярко проявились семейные традиции. В нижнем ряду проживало старшее поколение – основатели деревни, а в верхнем ряду молодое поколение: усадьбы сыновьям строили отцы [14, с. 163–164].

Типы крестьянских усадеб и особенности жилища также исходили из особенностей природной среды. Во всех деревнях бытовали дворы-хоромы со слитной связью избы и двухъярусного двора. Компактно-композиционный объем под единой или двумя смежными крышами обеспечивал в зимнее время сохранение тепла и удобство для ведения хозяйства. Корм для скота хранили на верхнем ярусе двора – «повети», навоз накапливали в холодной части двора, из сеней удобно было пройти во двор, не выходя на улицу. Если сбоку от избы создавался дополнительный хозяйственный двор, то он обязательно закрывался целиком крышей (деревни Гадья, Кикус, Курья). На севере редки усадьбы с палисадниками. Объясняется это, видимо, непродолжительностью светового периода, малочисленностью светлых дней, близостью усадеб к естественным лесам.

Взаимосвязь с природными условиями ярко выразилась в конструктивных приемах и архитектурно-художественном облике жилища. Постройки возводились преимущественно из ели.

Венцы укладывали северной стороной наружу, поскольку здесь кольца были плотнее друг к другу и это служило более надежной защитой жилища от морозов. Бревна в срубе соединяли только в «чашу» – «обло», с наружным выступом бревна. Благодаря этому углы не промерзали и в доме дольше удерживалось тепло. В пазы клали мох.

Из-за обильных осадков крыши строили высокими, с крутыми, далеко выступающими от стен скатами. Длинные свесы кровли защищали стены от осадков. Избы возводились с высокими, иногда до 2 м, «подклетами», углубленными в землю. Благодаря высоте «подклета» внизу создавался мощный воздушный слой, препятствующий зимой охлаждению жилища с земли, а летом, во время затяжных дождей, способствующий быстрому избавлению от сырости.

Северные крестьяне крыши домов украшали зооморфной скульптурой – коньками и птицами, а наличники – накладными, прорезными, а иногда нарисованными фигурами уток, лебедей, тетеревов, глухарей (деревни Ньюзим, Медведица, Усть-Унья, Усть-Бердыш). Двускатную крышу называли «конем», а крюки слег, поддерживавших потоки-желоба и тесины по низу скатов – «курицами», так как им часто придавали форму птиц. Фигуры сакральных животных и птиц, а также названия важнейших элементов архаической конструкции крыши позволяют видеть представление о ней северных крестьян как важном ярусе жилища, гармонично соединяющем земной мир и космический. Экспедиционный натурный материал верховьев Печоры и Колвы свидетельствует о сохранении в сознании крестьян в течение длительного периода подобного представления, так как вера в заклинательную силу образов соединялась со всем хозяйственно-культурным укладом жизни [3, с. 115–116; 15, с. 58–59].

Непременной принадлежностью деревень были амбары на столбах. Они поражают каждого, кто их увидит. Амбары устанавливали на столбах, исходя из практической целесообразности – уберечь одежду от сырости, продукты от грызунов. Овины делали, как правило, верховые, т.е. с каменкой на земле, гумна с глиняным полом – с «долонью». Каменку не углубляли в землю, как наблюдалось в южных районах, из-за того, что верхний почвенный слой в осеннюю пору от частых дождей был сырым. Колесных мельниц с прудами не знали. Преобладали древние по устройству мельницы «мутовки» с одним или двумя механизмами вращения. В холмистой местности сруб размещали над руслом с быстрым течением воды, в нижней части которого устанавливался стояк с

лопастями. Такие мельницы действовали в начале 1970-х гг. в деревнях Дий, Курья, Пачгино, Шайтановка.

Природная среда задала типологию транспортных средств. На малых реках пользовались долбленными лодками – «осиновками», на больших – дощатыми. На реках с быстрым течением и небольшой глубиной использовали длинные лодки с округлым дном как самые устойчивые и удобные для преодоления перекатов. Управляли ими чаще шестами. Сухопутный транспорт был представлен волоковыми и полозовыми средствами перевозки тяжестей – волокушами, саями, нартами, лыжами с прикрепленным мехом – «камусами». В условиях бездорожья, болот, преобладания необустроенных лесных дорог использовались самые простые по своему устройству волокуши – из комлей деревьев наподобие головок саней и жердей-оглобель, прикрепленных гужами к хомуту. Такие волокуши в рабочем состоянии приходилось автору видеть в деревнях по Уньереке еще в 1980-е гг. Сани были следующих видов – дровни, розвальни, выездные «кошевки». Колесный транспорт – дроги, одноколка, телеги – стал внедряться только в колхозный период.

Природные условия определяли и рацион питания. У северных крестьян основу его составляли продукты животноводства и земледелия. Существенным дополнением было мясо диких животных, дичи и рыбы. В рацион питания входили продукты собирательства – ягоды, грибы, кедровые орехи. Овощные блюда употреблялись редко, так как из-за сурового климата огородничество не получило большого развития. Самой распространенной культурой была репа, которую выращивали не на пахотной земле (в этом случае она вырастала не вкусной), а на подсеке. *«В лесу выбирали место площадью по 15–20 соток, на котором исключительно росли маленькие елки и пихты, срубали их и сжигали. Сеяли репу и бороили елочкой. На одно место сеяли по 2–3 года подряд. Места эти звали репищами, а ямы, в которых хранили репу, – репными (д. Усть-Бердыш). По традиции репными называли ямы, в которых хранили картофель»* [16].

Характеру природно-географической среды подчинялись также общественные отношения и некоторые стороны духовной жизни. Поселения, несмотря на разбросанность по берегам рек, официально объединялись в сельские общества. В Тулпанской волости, объединяющей верховья Печоры и Колвы, таких обществ было девять: Тулпанское, Усть-Волосницкое, Пачгинское, Усть-Пожеговское, Усть-Уньинское,

Нюзимское, Черепановское, Тиминское, Петрецовское.

В рамках обществ разворачивалась более тесная общественная жизнь населения, поскольку в их пределах люди больше общались и друг друга хорошо знали. Традиции общения людей были устойчивыми, поскольку они складывались еще в рамках деревенских общин, предшествовавших сельским обществам. Деятельность общин сводилась, прежде всего, к самому важному вопросу – регулированию земельных отношений и взаимоотношений с долго державшимися у северных крестьян нормами обычного права, т.е. теми, которые определялись традицией, а не законами. Общинная жизнь и обычные правовые нормы включали также трудовую взаимопомощь в виде помочей, что было важно для поддержания крестьянского хозяйства в суровых природных условиях.

Помочи были старинным и очень надежным способом помочь друг другу в самых трудоемких хозяйственных делах. Помочи созывались, чтобы подсеку делать, дома строить, дрова заготавливать, жать, молотить, навоз вывозить, избу мыть. С целью заработка на помочи никто не шел. Одни работали за то, что им уже помогали, другие – чтобы заработать помощь на будущее. Традиции коллективной хозяйственной практики были неразрывно связаны с конфессиональной традицией.

Особенности природных условий крестьяне увязывали с календарной обрядностью. В связи с этим они выработали оптимальные для своей местности сроки начала и завершения обрядовых действий и даже остановили свой выбор на определенных святых для почитания их как покровителей в хозяйственной деятельности. Охотники отдавали предпочтение святым Христофору, Флору и Лавру, Егорию, которые оспознавались покровителями животного мира и удачной охоты. В Егорьев день, приходившийся на 23 апреля, нужно было осуществить первый выгон скота на пастбище. Но поскольку на верхней Печоре и верхней Колве 23 апреля часто стояла еще холодная погода и отсутствовала зеленая трава, обычно выгон скота носил лишь символический характер. Домашних животных выводили из двора, прогоняли вокруг деревни, «показывали» Егорию и заводили в хлев. Случалось, когда этот символический обряд переносился на время, совпадающее с пастбищным периодом (деревни Петрецово, Орловка, Пачгино).

На севере обряды, совершаемые при начале и окончании пахоты, сева, жатвы, не всегда четко приурочивались к дням святых. Локаль-

ные варианты сохранялись в проведении известного летнего обряда в честь домашнего скота в день Флора и Лавра (18 августа) и в день грозного, щедрого распорядителя сил природы Ильи-пророка (20 июля) (деревни Ларевка, Семь Сосен, Медведица). В затяжную весну крестьяне не всегда могли исполнить в Троицу древний обычай поставить березку перед домом, так как к этому времени они еще не распускались (деревни Пачгино, Курья, Черепаново, Сусай).

Ввиду несовпадения времени наступления теплой погоды с календарными датами поминовения умерших на кладбищах северные крестьяне ходили и устраивали трапезы на могилах в Семик, а не в Радуницу (второй вторник после Пасхи), когда было принято в южных местах не только причитать, трапезничать на могилах, но и поздравлять покойников с Пасхой. Известны случаи, когда северные крестьяне, не имея возможности дойти до могил, накануне Радуницы топили баню для покойников и приглашали их посетить ее. Этим они выражали благожелательность предкам (с. Тулпан, д. Пачгино).

Понимание особенностей природной среды повлияло на устную культуру северных крестьян. В таежных северных условиях, где приходилось с трудом выращивать урожай, вести охотничий и рыболовецкий промысел, заниматься скотоводством в отношении человека к природе было больше таинственности и первозданности. Это нашло выражение в знании легенд о лесном царе и лешем, которые властвуют над всем, что находится в лесу. В рассказах эти демонологические персонажи всегда остаются близкими людям. Этнограф, проживавший в с. Тулпан в 1906–1907 гг., писал: *«Верят в лешего и потому, что считают его покровителем дичи и зверей, и что леший, если кто имеет с ним таинственные сношения, то подставляет под выстрел и птицу и зверя, а у других прогоняет... В недавние времена, – пишет этнограф в 1908 г., – водилось много оленей... охотились за ними... но они исчезли, сожалеют теперь об этих животных и приписывают их отсутствие лешему, который угнал от них оленей»* [17, с. 25].

Рыболовы, прежде чем начать промысел, совершали обряд жертвоприношения воде. Они «дарили воду»: бросали в реку яйца, блины, хлеб и даже деньги, прося при этом водяного обеспечить хороший лов рыбы. На Тумском озере рыбаки привязывали к матице невода «лагун» – бочонок с брагой, чтобы водяной выгнал рыбу из-под «плаунов» – из тех мест по берегам озера, где под густорастущими плау-

нами она предпочитала отдыхать. Верили, что водяной, увидев бочонок, обязательно пригласит рыбу [18, с. 132–133].

Устойчивая охотничье-рыболовецкая деятельность крестьян – а она определялась природным началом – сказалась на своеобразии таких видов устного народного творчества, как поговорки и устные рассказы.

На наблюдениях за природной средой – атмосферой, растениями, животными и явлениями природы – основаны различные приметы. Печорские и колвинские крестьяне строили предположения о предстоящей зиме по тому, как к ней приготовятся белки. Если с осени они устраивают гнезда на деревьях низко, то жди холодной зимы, а высоко – теплой (деревни Пачгино, Паршаково). В северных деревнях предугадывали будущее лето по прилету трясогузки. Замечали: если только что появившиеся птицы летают высоко – ожидай теплой весны и лета, а низко – холодной. По случаю их прилета устраивали обрядовый праздник. Как только узнавали о прилете трясогузок, жители с пирогами, шаньгами, печеньем и пивом собирались на окраине деревни, разводили костры, водили хороводы, перепрыгивали через костер, пели песни. Оставшуюся пищу закапывали в землю, чтобы птицы и земля обеспечили урожайное лето (деревни Петрецово, Талово, Курья).

У северных крестьян, занимавшихся охотой, символическое значение имели образы медведя, лося, утки, лебедя, гуся. Это отражалось в сказках, быличках, преданиях. Сакральность животных образов выразилась в украшении жилища, посуды, орудий труда, одежды, детских игрушек. Деревянным чашкам и ложкам придавали вид головы и хвоста птицы. Над входом в дом устанавливали рога лося или оленя (деревни Дий, Сусай, Усть-Бердыш, Усть-Волосница).

Русское население верховьев Печоры и Колвы проживало в разных, но близлежащих речных бассейнах с одинаковым климатом, ландшафтом, флорой и фауной. Несмотря на 30-верстный водораздел, население вело однотипное охотничье-промысловое хозяйство, возводило одинаковые усадьбы, перевозило тяжести на сходных транспортных средствах. Зимой и летом люди навещали друг друга в праздники, рождались, постоянно были осведомлены о жизни почти каждого человека. Понятие водораздела у них не существовало, а пространство между Печорой, Уньей и Колвой называли только волоком.

На основе изложенных в статье особенностей культуры и быта северных крестьян и их представлений доказывается, что многовековой

жизненный опыт формировался и удерживался в тесной взаимосвязи с природной средой. Все подмеченное в естественно-биологическом мире и подчиненное практической целесообразности помогало обеспечивать жизненно важные

потребности людей. Можно сказать, что у русского населения верховьев Печоры и Колвы в сознании и практике высшей ценностью представлялась природная среда, а человек являлся ее неотъемлемой частью.

Библиографический список

1. Алейников, А. А. Население в верховьях Печоры и Уньи в конце XIX – начале XX века / А. А. Алейников, Г. Н. Чагин // Труды Печоро-Ильчского заповедника. – 2015. – № 17. – С. 4–12.
2. Чагин, Г. Н. Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от древности до 1917 года / Г. Н. Чагин. – Пермь : Пушка, 2017. – 672 с.
3. На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. / отв. ред. В. А. Александров. – М. : Наука, 1989. – 352 с.
4. Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии / Издание Чердынского уездного земства. – Пермь, 1889. – 1171 с.
5. Оборин, В. А. Историко-этнографическая экспедиция по реке Колве / В. А. Оборин // На Западном Урале. – Пермь : Пермское книжное издательство, 1964. – Вып. 4. – С. 157–162.
6. Сони, К. О подсеках или новинах в Чердынском уезде / К. Сони // Лесной журнал. – СПб, 1839. – № 12. – С. 378–394.
7. Государственный архив Пермского края. – Ф. 680. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. 14–20.
8. Никонов, Б. П. Конец света / Б. П. Никонов // Ежемесячные приложения к журналу «Нива» на 1901 г. – СПб., 1901. – № 8. – С. 694.
9. Воропай, И. Заметки и очерки о северном крае Чердынского уезда / И. Воропай // Памятная книжка Пермской губернии 1880 г. – Пермь, 1880. – С. 141–160.
10. Верхоланцев, И. Из путевых заметок по Чердынскому уезду в 1869 и в 1872 г. / И. Верхоланцев // Пермские губернские ведомости. – 1882. – № 84. – С. 38–39.
11. Елисеев, А. В. По белу свету: очерки и картины из путешествий по трем частям старого света / А. В. Елисеев. – СПб., 1894. – Кн. I. – С. 359.
12. Юрбел. Письма оттуда, где редко кто бывает // Екатеринбургская неделя. – 1896. – № 45.
13. Список населенных пунктов Пермской губернии. – Т. XII. – Чердынский уезд. – Пермь, 1897. – 108 с.
14. Чагин, Г. Н. На древней Пермской земле / Г. Н. Чагин. – М. : Искусство, 1988. – 175 с.
15. Чагин, Г. Н. Народное искусство художественной обработки дерева в Верхнем Прикамье в XIX – начале XX в. / Г. Н. Чагин // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII – начало XX в.). – Пермь, 1986. – С. 56–70.
16. Чагин, Г. Н. Полевые материалы, полученные в Троицко-Печорском и Чердынском районах в 1965–2015 гг.
17. Чесноков, А. Среди «жержаков»: этнографический очерк / А. Чесноков // Пермская земская неделя. – 1908. – № 11. – С. 23–26.
18. Кирьянов, И. К. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена / И. К. Кирьянов, С. Н. Коренюк, Г. Н. Чагин. – Пермь, 2007. – 168 с.

References

1. Aleynikov A. A., Chagin G. N. *Trudy Pechoro-Ilychskogo zapovednika* [Proceedings of Pechora-Ilych Nature Reserve]. 2015, no. 17, pp. 4–12.
2. Chagin G. N. *Kolva, Chusovskoe, Pechora: istoriya, kul'tura, byt ot drevnosti do 1917 goda* [Kolva, Chusovskoe, Pechora: history, culture, way of life from ancient times to 1917]. Perm: Pushka, 2017, 672 p.
3. *Na putyakh iz zemli Permskoy v Sibir': Ocherki etnografii severnoural'skogo krest'yanstva XVII–XX vv.* [On the way from Perm to Siberia: Essays on the ethnography of the North Ural peasantry of the XVIIth–XXth centuries]. Red. resp. V. A. Aleksandrov. Moscow: Nauka, 1989, 352 p.
4. *Sbornik statisticheskikh svedeniy po Cherdynskomu uezdu Permskoy gubernii* [Collection of statistical data on Cherdyn parish in the Perm province]. Izdanie Cherdynskogo uездnogo zemstva. Perm, 1889, 1171 p.
5. Oborin V. A. *Na Zapadnom Urale* [In the Western Urals]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964, iss. 4, pp. 157–162.
6. Soni K. *Lesnoy zhurnal* [Journal of forest research]. Saint-Petersburg, 1839, no. 12, pp. 378–394.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya* [The State Archives of Perm Krai]. F. 680. Op. 1. D. 180. L. 14–20.
8. Nikonov B. P. *Ezhemesyachnye prilozheniya k zhurnalu «Niva» na 1901 g.* [Monthly annexes to the journal “Niva” in 1901]. Saint-Petersburg, 1901, no. 8, pp. 694.
9. Voropay I. *Pamyatnaya knizhka Permskoy gubernii 1880 g.* [Memorial book of the Perm province in 1880]. Perm, 1880, pp. 141–160.
10. Verkholantsev I. *Permskie gubernskie vedomosti* [Perm Province Journal]. 1882, no. 84, pp. 38–39.

11. Eliseev A. V. *Po belu svetu: ocherki i kartiny iz puteshestviy po trem chastyam starogo sveta* [Throughout the world: essays and pictures from travel to three parts of the Old World]. Saint-Petersburg, 1894, bk. I, p. 359.
12. *Ekaterinburgskaya nedelya* [Yekaterinburg Week]. 1896, no. 45.
13. *Spisok naselennykh punktov Permskoy gubernii. T. XII. Cherdynskiy uezd* [List of settlements in the Perm province. V. XII. Cherdyn parish]. Perm, 1897, 108 p.
14. Chagin G. N. *Na drevney Permskoy zemle* [On ancient Perm ground]. Moscow: Iskusstvo, 1988, 175 p.
15. Chagin G. N. *Iz istorii demokraticheskoy kul'tury na Urale (XVIII – nachalo XX v.)* [From history of democratic culture in the Urals (XVIIIth – early XXth century)]. Perm, 1986, pp. 56–70.
16. Chagin G. N. *Polevye materialy, poluchennye v Troitsko-Pechorskom i Cherdynskom rayonakh v 1965–2015 gg.* [Field materials obtained in the Troitsko-Pechora and Cherdyn districts in 1965-2015].
17. Chesnokov A. *Permskaya zemskaya nedelya* [Perm week]. 1908, no. 11, pp. 23–26.
18. Kir'yanov I. K., Korenyuk S. N., Chagin G. N. *Rybolovstvo v Permskom krae v starodavnie vremena* [Fishing in Perm Krai in ancient times]. Perm, 2007, 168 p.